

Фими́на Анна

I Измерение

I книга

16+

Анна Фимина

I измерение

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Фими́на А. П.

I измерение / А. П. Фими́на — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Глухая деревенька на берегу Енисея полна загадок и страшных тайн, которые скрывают подступающая со всех сторон тайга и забытая, заброшенная усадьба древнего княжеского рода Веришиловых. Старатели, спецпоселенцы и аборигены, издревле исповедующие свою религию с ритуалами и обычаями, - все это соединяется в довольно интригующую историю героев целого ряда поколений, судьба которых тесно переплетается с историей местных господ. Героям "I измерения" предстоит пережить убийства и предательства любимых людей. Но это только первый шаг к разгадке великой тайны Веришиловых.

© Фими́на А. П., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

ЧАСТЬ I	6
ЧАСТЬ II	8
Легенда	10
Два друга	12
Старые и новые друзья	15
ЧАСТЬ III	20
ГЛАВА 2	22
ГЛАВА 3	25
ГЛАВА 4	31
ЧАСТЬ IV	35
ГЛАВА 2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Данный текст – художественный
вымысел и не имеет ничего общего
с исторической действительностью

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

Начало начал

Глухая каменная ограда. Тишина... Немые зелёные великаны тополей смотрятся в озерное зеркало. Беззвучно спокойно плывет пара лебедей с детёнышами. Поодаль замерла не приметная цапля. В камышах о чем-то спорили дикие утки.

Две маленькие беленькие головки замерли на деревянном мостике, любуясь своим отражением в красоте природы. Яркое солнышко лета припекало загорелые спины девчушек. Одну звали Олей, другую – Леной. Девчонкам было по 12-13 лет, жили по соседству в деревушке Енисейц, что расположилась на берегах Енисея.

Соседкам нравилось это тихое, давно заброшенное поместье свергнувших господ. Они любили играть в больших барышень, одеваясь из заброшенных сундуков и разгуливая по длинным аллеям еще не одичавшего парка.

Девочки пропадали тут все лето. Что и говорить: дом в два этажа с мезонином, с балконами, с резными рамами, высокими крылечками, широкими террасами, открытыми площадками, великолепными аллеями, уходившими вглубь сада; чистейшее озеро, огород с неизвестно откуда взявшейся на нём редиской, щавелем и клубникой – всё это возбуждало детскую фантазию, особенно после долгих рассказов дяди Жени, Ленкиного отца, о хозяевах этой «страшной» усадьбы, у которых дядя Женя «работал дворовым мальчонкой».

Но приходил вечер, и девчонки спешили домой...

* * *

– Вы опять туда ездили? – сердился дядя Женя на девочек. – Я вам запрещаю это делать! Несчастливы обе будете! Там ведь великое проклятье лежит.

– И где оно лежит? – наивно интересовались девчонки, чтобы не задеть его ненароком.

– Садитесь, я вам расскажу. Два столетия прошло с тех пор, как царь Пётр I пожаловал Авдею Веришилову княжеский титул и наградил этими землями. Приехал с женой и маленьким сынишкой. Но по дороге напали на него разбойники, ограбили и убили князя. Так что хозяйничать стала его жена. Хорошая хозяйка была, деловая: налоги брала по справедливости, а ненужные – убрала. На ней крестьяне богу молились, любили, уважали. Сын её Петр в Петербурге учился, да там и умер в 20 лет при странных обстоятельствах. Привезли его к отцу и похоронили рядом. Долго убивалась хозяйка, что говорить, самое страшное для родителей – детей своих хоронить. А тут через некоторое время девушка приезжает с младенцем на руках: «Я, – говорит, – холопка ваша, из дома вашего столичного дворня, – и в ноги как кинется, со слезами к хозяйке, – простите меня безродную!». Хозяйка её успокаивать, а она ей, мол, сын у меня от нашего барина Петра Авдеича Веришилова. А хозяйка обрадовалась, что внук у неё от единственного сына остался. Приняла девушку, стали жить вместе. Померла княгиня в глубокой старости, спокойно так, как будто уснула. Она и в гробу лежала, как святая. После её смерти начал поместьем Енисейцем внук Демьян Петрович управлять. Парень умный, смекалистый. Женился поздно, в сорок лет. Родились у Демьяна Петровича двое детей сын Севастьян и дочь Софья, сын красавец...

– Откуда ты знаешь, что он был красавцем? – перебивает его Ленка.

– Портрет видел, стоит в полный рост с орденом Андрея Первозванного. Нарисовал Севастьяна его друг Еминь Хеян, по происхождению японец, они вместе против француза воевали. И лишь только он закончил его портрет, на следующий же день убили Веришилова. Повез японца своего друга в его родные земли похоронить. Да встретил тут красавицу Софью Веришилову. Долго думал Демьян Петрович, да делать нечего – любовь: отдал Еминю Хеяну он

свою дочь в жены. Помер Демьян Петрович, завещая поместье Енисейц своему внуку Николаю, который вел борьбу междоусобную с соседским княжеским родом, что в Белом Яре жили. Плохо крестьянам было от той вражды: то Веришилов поля у Шмелевых выжжет, то они у него, а страдали от этого впервойдь крестьяне. Был у Николая сын Андрей, хороший парень, спокойный. Так вот угораздило его влюбиться в Катерину Шмелеву. А дальше как в той Ромее с Джульетей. Вражда двух родов, Андрей и Катерина тайно венчаются. Как прознали об этом братья Катерины, убили Веришилова Андрея, а Катерина от них сбежать к свекру успела. Да слишком большая кровная вражда была – не признал Николай ни внука, ни невестку, погнал их с усадьбы, обвиняя Катерину в гибели своего сына. Не выдержала девушка таких испытаний, отравилась бедняжка. Николай после этого совсем умом тронулся, умер вне себя. Аркадий в это время в правах своих восстановился и завладел и Енисейцом Веришиловых и Белым Яром Шмелёвых. Ох и наплакались с ним крепостные! Такая сволочь была первая среди всего княжеского рода Веришиловых. Три раза женился, оставил после себя пятерых сыновей, которые его же потом и спровадили в закрытую лечебницу для душевнобольных у Чёрного моря. Там он и умер. Затем два старших брата начали братоубийственную войну, убили своих трех братьев, да поделили Белый Енисейский Яр на Енисейц и Белый Яр, как в былые времена. Но не ужиться двум вожакам в одной стае. И самый старший брат Дмитрий убил своего младшего брата, остался один. Объединил вновь все земли и стал управлять... Умирал Дмитрий Аркадьевич очень мучительно и долго, разлагался заживо. Остались у него два сына Иван и Кирилл. После смерти отца по традиции поместье переходило к старшему сыну. Но Иван отказался от наследства и уехал за границу. В Гааге приобрел небольшой коттедж, жил своим писательским трудом, женился там же, народил сына Кирилла, в честь своего любимого брата назвал.

А в это время Кирилл Дмитриевич вступил в права наследия. Ох и сволочь был этот Кирилл Дмитриевич, правильно, что брат Иван уступил ему, а то бы повторилась в роду Веришиловых еще одно братоубийство. Говорили, что Кирилл Дмитриевич унаследовал все зло, что было в семьях Веришиловых и Шмелёвых. Да недолго и он прожил, был зарезан Шмелёвскими на Черноозере. После смерти прямого наследника, Шмелёвы прибрали к рукам Енисейц, да свой Белый Яр себе вернули.

Потом вернулись на Родину Веришиловы Михаил Кириллович и Ольга Кирилловна со своей матерью из Гааги, и Шмелёвым пришлось уступить. Молодой князь Михаил Кириллович поддался в революционеры. В шестнадцатом году, как сейчас помню, пришла к нам в поместье большая бумага с гербовой печатью, которая говорила об аресте Михаила и его ссылке. А через год Михаил помер от цинги. Похоронили его тут, на Веришиловском кладбище. Потом взяли и Ольгу, отправили её из Петербурга к брату. За ней муж её поехал Иван Дмитриевич Вершневу.

Месяц спустя Ольга сына родила, в честь брата Михаилом назвала. Через год ещё один Вершневу на свет появился Иван, затем Надежда родилась. Самый старшенький Михаил с бабушкой у нас в поместье жил. После, в восемнадцатом году освободили красные всех политических заключенных. И она, оставив всех своих троих детей на руки матери, пошла воевать с красными. Потом в двадцатом году к нам в усадьбу от неё пришло письмо. Я не знаю, что там было написано, но княгиня собрала всех своих внуков и уплыла на пароходе куда-то вниз по Енисею. Мы конечно все разбежались кто куда, в усадьбе никого не осталось. Вот так, больше ничего не ведаю ни о княгине с внуками, ни о княжне.

– А почему ты так боишься этого дома? – спросила Ленка у отца.

– Я служил там, таких ужасов насмотрелся. Да не только я там работал, и Глашка Дегтерева, и Семен, её муж, и тетка Нюрка – все село Веришиловым служило, все мы были их подчиненными.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА I

Через три года

– Оля, – Марья Тихоновна открыла двери в Ольгину комнату, – там к тебе Адрианчук пришел.

– Пусть войдёт, – пробубнила Ольга, не отрываясь от книги.

– Привет, Олэк! – Андрей подошёл к столу и начал бесцеремонно рассматривать тетради, книги. – Откель стока хламу? – удивился он.

– Не лезь! – приказала Ольга. – Зачем пришёл? – Ольга кинула на стол очередную пачку бумаг. – Шкаф разбираю, – пояснила она недоумевающему однокласснику.

– Схемы какие-то, – Андрей взял листок весь испещренный стрелками, именами, фамилиями.

– А-а, – махнула рукой Ольга, – Веришиловское отродье.

– Наши, местные?

– Ага, – вон рассказы про них, со слов Митяева дяди Жени записывала, адреса какие-то – в общем, все в огонь!

– Ты с ума сошла! – Андрей отобрал у девушки бумаги. – Все, что найдешь про них, отдай мне.

– Зачем? – усмехнулась Ольга. – Будешь изучать древний род дворян.

– Хотя бы и так, – торопливо согласился Андрей. – Ты, кстати, в курсе, что это единственные дворяне на нашей енисейской земле.

Он, попотрошив немного кучу бумаг, и выбрав желтые листки с адресами, распрощался.

– Зачем приходил-то? – вопросом остановила его Ольга.

– Да так... – сморщился Андрей, потом улыбнулся, – скучился!

– Ну, пока.

– Пока.

* * *

– Ты говорил с Ольгой? – нетерпеливо спрашивает Андрея его младший брат Лешка.

– Не-а, забыл, – чешет за ухом Андрей и получает от Лёшки оплеуху. Между ними завязывается драка. В итоге Андрей оседлал брата и мертвой хваткой вцепился в его темные вихры.

– Андрей! Лешка! Хватит! – прикрикивает на них мать. – Ишь чего удумали! Ну-к подыми книжку-то! – потребовала она у младшего сына. – Разошлись в разные стороны!

Мальчишки покорно повиновались приказам матери. Андрей начал разбирать исписанные Ольгой листки. Она писала здесь все, что слышала от своего соседа в теплые летние вечера двадцать третьего года. Андрей долго рассматривал схему, которую составила одноклассница.

– Да уж странно, странно, – бормотал Андрей, разбираясь в Ольгиной писанине.

На следующий день он спросил у Ольги:

– Слушай, а почему вы с Ленкой больше туда не ходите?

– В поместье?

– Ну да.

– Мы зарево видели, а ещё тени!

– Не может быть!

– Может, сам сходи... только потом дорогу впопыхах найди, когда назад бежать будешь, – посоветовала она. – Мы вот с Ленкой после этого заплутали. Два дня кружили, как будто нас кто-то водил вокруг, пока к Енисею не вышли. Уж три года прошло, а меня до сих пор ужас охватывает, – она судорожно передернула плечами.

ГЛАВА 2

Легенда

Шел тихий мягкий снег. Ленка и Ольга вышли из Митяевского дома. Мороз. Кругом все укутано в белую вуаль инея. Вечер. Тихо искрится снег. Из маленьких окошек деревянных домов мягко падает золотистый свет. Снег скрипит под валенками.

– Смотри! Смотри!! – дико орёт Ленка и показывает на лес.

Ольга видит: в ярком звездном небе поднимается красно-жёлтый круглый купол огня.

– Зарево, – шепчет Ольга в благоговейном ужасе, и подружки прижимаются друг к дружке.

– Што, девчата, на чертовщину любуетесь? – спросил высокий прохожий в меховой шубе, высокой соболевой шапке и валенках.

– Страшно-то как! А, Степан Демидыч? – указывая на зарево, спрашивает Ленка.

– С этим шутки плохи! Вы-то что по улице шастаете в такой мороз? Ну-ка марш в хату! – он распахнул дверь своего дома.

Девчонки проворно нырнули в сенцы Шапошникова.

– Сядайте, щас чай гонять будем, – пригласил он девушек. – А где батько твой, Елена?

– Он опять в Красноярск уехал, – отвечает Митяева, стягивая с головы пуховый платок.

– И чего он туды мотается, не знаешь?

– Не-а, – Ленка скинула полушубок. – А вы про зарево знаете?

– А чего ж про него не знать-то? – ответил вопросом Шапошников.

– Расскажите, – просят подруги.

– Дак вот вам рукопись.

Он вышел, а через некоторое время зашёл с какой-то серой бумагой свернутой в трубочку.

– Даю ненадолго, у меня завтра должны её забрать, – с этими словами Степан Демидыч передал трубку в руки Ленки.

– Что это? – завертела та в руках со всех сторон, осматривая предмет.

– Рукопись, – пояснил дед Степан и выдернул из цилиндра старинный рулон из твёрдой берестяной бумаги.

– Ничего себе! – ахнула Ольга.

Девчонки сразу после чаевничества деда Степана отправились к Адрианчук.

Румяная тётя Дуня впустила подружек на кухню к горячей печке, с которой только что сняла пироги.

– Сымайте шубы, да садитесь сюды, – она похлопала по широкой лавке.

Девчонки покорно повиновались. Вскоре у каждой было по куску пирога и хорошего кваса в руках.

– Сщас скотине корма дадут, да придут, – ворковала у печки тетя Дуня про своих сыновей.

За непринужденной беседой Ольга и Ленка дождались заснеженных и румяных мальчишек с улицы. Они шумно обметали друг с друга снег на крыльце и, шмыгая носами, вошли в дом, пуская ледяной пар в жаркую кухню.

– О! Привет! – Андрей снимал шубу.

– Вот посмотри, – Ольга протянула свиток. – Тебе наверняка будет интересно. Только завтра верни её, пожалуйста, деду Степану, а ту к нему какой-то Изот должен приехать и забрать этот пергамент.

– Что это? – крутил в руках трубку Андрей.

– Вот что, – с этими словами Ольга открыла цилиндр и вытрясла оттуда рукопись.

– Ага, – смекнул Андрей и прижал бумагу к груди, косо поглядывая на мать, быстро юркнул в дверной проем.

– Кудыть поскакал, сорванец?! – окликнула его тетя Дуня, – Иди, собери свои лохманы! Покидал тут!

– Мам, – появился в дверях Андрей, но уже с пустыми руками, – я все сейчас уберу.

– Батька баню натопил?

– Натопил, – отозвался Лешка, поставив полную тарелку горячего борща на стол. – А где хлеб?

– Вот, порежь, – тетя Дуня, откинув широкий рушник, указала на румяный каравай и опять отошла к кастрюлям.

– Ленк, опять папка в город махнул? – спросил дядя Степа, отец Лешки и Андрея. Он вошел в кухню с охапкой свежих розово-белых дров и положил их за печку на просушку. Кухня наполнилась лесной свежестью.

– Ага, – ответила с набитым ртом Ленка.

– Чего ж он туда мотается? – спросил дядя Степа, снимая рукавицы.

Ленка лишь пожала плечами.

– Понятно! – весело подмигнул Адрианчук-старший.

Вот что Андрей списал с пергамента:

«Легенда сия гласит о роде Веришиловых, что переселился на эти земли из-под Московии и овладел сиими местами. Свершилось сие во времена императора Петра. С этих пор и поросла ветвь Веришиловская в плодородных сих местах. Воды великой реки Сибири подпитывали и холили эту веточку. Император одарил верного холопа Веришилова не только землей, одарил алмазом. Алмаз непростой, алмаз Компьенгский! – так величали его богатые люди всего мира.

При дворе у царя-батюшки все из-за него перебрались. И решил тогда император избавиться от этого проклятья – отправил «в награду» с одним смелым и сильным отроком подальше от Москвы, на это и земля уготована была.

Но злейший враг – князь Шмелев напал на Веришилова по дороге и выкрал у него алмаз, нанеся Веришилову смертельные раны. Однако сумел добраться Веришилов до своего нового поместья, где ждала уже его жена с осьмилетним сыном. И поведал им князь Веришилов свой рассказ, и наказал сыну вернуть в семью Компьенгский алмаз!!!

И грянул гром среди ясного неба! Кровью залились леса и луга! Кровью умылись Веришиловы и Шмелевы! Не одна сотня лет прошла с той чреватой поры. Это были годы ужаса и лицемерия, насилия и предательства, смерти и ... смерти! Алмаз переходил из рук в руки двух враждующих семей.

И вот один старик-декабрист Веришиловского роду спрятал распроклятый алмаз. Многие Веришиловские потомки сходили с ума в поисках семейной реликвии, но тщетно!

И до сели ходят их не усопшие грешные беспокойные души по дому и ищут, ищут этот проклятый кровавый алмаз. И лаются они меж собою так, что по всей округе слышны стоны слонявшихся теней по одичавшим паркам и заросшим тиной прудам. А вечером, когда крошечная тьма опускается черным покрывалом на этот дом мрака, взлетают святые и добрые души хороших и мудрых предков Веришиловых, что не унизились они пред самими собою, не пали до своих сородичей – искателей алмаза, а были выше зла и насилия. И теперь их добрые души выше черных теней. Светятся эти чистые тела красно-желтым пламенем, но и они не могут получить пристанища ни в раю, ни в аду. Ибо каждый, кто рожден был в сем роде, стал продолжателем великого рокового проклятия русского народа, которому было причинено неимоверное горе людское, и проклинал он род Веришиловых в года, в века!»

ГЛАВА 3

Два друга

В 1926 году окончили Андрей Адрианчук и Сергей Долгов школу. Андрей хотел отправиться в теплые края попытать счастья. Он пришел к своей подруге попрощаться:

– Привет, Любаш.

– Привет, любимый, – весело поприветствовала его Люба. – У меня для тебя новость.

– И у меня для тебя, – кивнул Андрей.

– У меня хорошая!

– У меня не очень, – подумав немного, сказал Андрей.

– Хорошо, тогда начнем с хорошей новости.

– Нет, начнем с моей, – настоял Андрей.

– Ладно, давай.

– Я уезжаю в Краснодар.

– Уезжаешь? – упавшим голосом спросила Люба.

– ага. Устроюсь получше и тебя туда заберу. Ладно?

– Ну и катись!

– Люб, не сердись, – удержал подругу Андрей. – Ну, говори теперь свою хорошую новость.

– Я беременна. Но это плохая новость, я поняла! – она оттолкнула Андрея и выскочила на улицу.

Андрей в растерянности немного постоял, и отправился к своему верному другу Сергею. По дороге все больше решимости овладевало Адрианчук.

– АннМихаловна! Здрасьте! – он быстро вошел в дом Долговых, заглянул в комнату друга – А где ваш сын?

– Что случилось, Андрей? – навстречу вышел председатель колхоза отец Сергея Кирилл Михайлович Долгов.

– Мне нужен Сергей, очень срочно!!!

– Успокойтесь, молодой человек, – мягко произнес Кирилл Михайлович. – Что вы все как с цепи сорвались: вчера Сережка летал по Енисейцу, как ненормальный, теперь вот ты.

Андрей вышел на улицу и лоб в лоб столкнулся с Сергеем.

– Иди сюда! – Андрей схватил друга и потащил к старому дубу. – Слушай, у меня такое!

– Что?

– Представляешь... я даже не знаю, как и сказать. У меня Любаша... ну, это... – Андрей смотрел на друга в надежде, что тот поймет его без слов.

– Ну-у-у, – выжидающе произнес Сергей.

– Любаша беременна! – выпалил Андрей.

– Вот видишь, не так-то все и плохо.

– Но мои планы, Сергей! – воскликнул Адрианчук.

– Должен тебя обрадовать, Андрей, у меня та же ситуация.

– Чего? – опешил Андрей. – Наташка тоже?!

– Представляешь? – расхохотался Долгов – Вот так, безо всякого там....

– Да-а, – почесал макушку Андрей.

– Я даже не знаю, что говорить родителям.

– Ладно, – вздохнул Андрей, – это мы потом решим. Тут обдумать надо.

Сергей согласился и они расстались.

* * *

– А ты почему не собираешься? – спросила тетя Дуня у старшего сына. – Тебе завтра на поезд.

– Я никуда не еду, – ответил Андрей.

- Не едешь? – удивилась тетя Дуня. – А что же ты? Что-то случилось?
- Случилось. Я намерен жениться, – твердо сказал Андрей.
- Жениться?!... Как... так... – мать уселась на стул.
- Обычно, как все!
- На ком?!
- Мам, не прикидывайся.
- На Любке Корсуновой?! На этой девке раскулаченной?! Не дам!!! Слышь?! Не дам!!!
- Я уже все решил. Твои истерики тут напрасны, – спокойно ответил сын.
- Я тебя прокляну!
- Мам, она беременна.
- Батюшки! – всплеснула руками тетя Дуня.

А стоящий в дверях младший брат только и сказал: «Ого!»

Самое трудное осталось позади, теперь нужно было рассказать об этом отцу. В его помощи и поддержке Андрей не сомневался. Но каково было его удивление, когда вечером в его комнату вошел отец и с решительным видом сказал:

– Собирайся! Завтра ты уезжаешь! Отбрось все доводы, там себе добрую сыщешь! Вот тебе деньги, уезжай от греха подальше, – с этими словами дядя Степа положил на стол деньги.

– Ладно, я поеду, вот только скажу ей об этом, – с этими словами Андрей, схватив куртку, выскочил на улицу.

По дороге на выселки встретил Сергея.

- Ну как? – поинтересовался Андрей у друга. – Говорил с родителями?
- Говорил, да нормально у меня. В общем – свадьба и армия! Прощай холостая жизнь!
- А у меня все плохо, – повесил голову Андрей.
- Представляю, наверняка все сразу вспомнили, кто у неё отец да мать и сколько лошадей

держали.

– Угадал! – обреченно вздохнул Адрианчук. – Что делать, не представляю. Все как заведенные: «уезжай» – «уезжай», «у тебя с ней никакого будущего». Сергей, а ты что скажешь?

– Если судить здраво, конечно, они правы. А уехать будет просто подло с твоей стороны по отношению к ней. Любаша хорошая и умная, да ещё и сирота. Нет, бросить её в таком положении просто позор... А с другой стороны, что ж за жизнь с дочкой раскулаченных. Это клеймо на всю жизнь.

– Ясно, – сказал Андрей уже в дверях. – Ты, как я, рассуждаешь, а посоветовать мне что-нибудь путного не решаешься. Ладно, прощай, – они обнялись на прощание.

– Куда ты, сынок? – спросила тетя Дуня, когда Андрей, взяв отцовские деньги, выходил из комнаты.

– Не беспокойся, мам, все будет хорошо, – он поцеловал мать в щеку, обнял. – Я сейчас приду, сбегая к Сергею, – он выскочил на темную улицу и направился к выселкам.

- Люб, открой, это я.
- Зачем ты пришел? Уходи! Уходи ради бога!
- Ты с ума сошла! Открой сейчас же!!

Любе пришлось открыть.

– Собирайся! – коротко приказал Андрей. – Ну что стоишь?

– Куда?

– Мы уезжаем вместе. Давай... живее... – мягко поторавливал Андрей.

– Андрей, опомнись! Ты ведь ещё не понимаешь, что делаешь! Это ведь клеймо! Клеймо на всю жизнь!

–Тс-с-с, – Андрей прижал Любашу к груди.– Ну что ты такое говоришь? Какое клеймо? Забудь, что ты Корсунова, ты теперь Адрианчук, моя жена. Давай я тебе помогу, иначе мы не успеем на пароход, он в четыре уже отходит.

Через несколько дней Андрей и Любаша, уже муж и жена, стояли на пороге своей комнаты в общежитии города Смоленска. Андрей поступил на рабфак и работал в вечернюю и ночную смены на заводе. Любаша пошла в вечернюю школу.

ГЛАВА 4

Старые и новые друзья

Лето 1926 года подходило к концу. Из Енисейца ребята разъезжались кто куда. Так уехали и Долговы Сергей со своей женой Натальей. В Москве получили квартиру, Сергей учился на инженера в московском университете. Наташка писала Ольге, что у них все хорошо, на жизнь не жаловалась. Звала Ольгу в гости.

В Москву уговаривали ехать и родители Ольги, а ей почему-то ужасно не хотелось. Она и Танька Данилова решили остаться в Енисейце. Но судьба решила этот вопрос иначе.

Однажды вечером, когда солнце клонилось по мягкому теплему воздуху за горизонт, и чистый Енисейц наполнялся ночной прохладой, Ольга и Ленка уселись на крылечке. Как к ним, лузгая семечки, подошла тетка Нюрка Сквородникова.

– Здорово, девки!

Ленка и Ольга недовольно переглянулись:

– Припёрлась, – прошипела Ольга, а Ленка лишь недовольно вздохнула.

– Слыхали новость-от? Танька Данилова, – перешла на шепот тетка Нюрка, – бездетная!

– Чего?! – грозно поднялась Ольга. – Чего болтаешь, тетка Нюрка?! Совсем очумела!

– Всем, чем есть, тем и клянусь, правду говорю!

– Ты языком своим не трепи! Иди отсюда! – наступала Ольга на тетку Нюрку.

– Вечно настроение испортишь, и как тебе коровы молоко дают, – наивно удивлялась мягкая по натуре Ленка. – Иди! Иди!

– А вы сходите и сами узнайте, – с обидой проговорила Сквородникова, шаркая старыми потрепанными тапками по тропке к новым слушателям её вестей.

Девчонки молчали. Какой-то отвратительный осадок оставался у каждого енисейца после встреч с нею. Тетка Нюрка работала на ферме дояркой, а в свободное время она ходила следом за своим бедным несчастным мужем, который когда-то сделал большую глупость, взяв её в жены, и испортил себе этим жизнь. Муж её, Андрей Сквородников, когда-то лихой молодец с шикарной шевелюрой, что бил немцев в I Мировой, теперь стал несчастным трактористишкой, который любил свою машину больше, чем жену и трех дочерей. Старшая, Валентина, училась в городе на математика. Средняя, Людмила, работала и жила в Енисейце. А младшая, Александра, или просто Шурка, училась в одном классе с Ленкой Митяевой последний год.

– Вот дура! – буркнула Ольга. – А вдруг с её дочуркой такое несчастье случится?

– Пойдем, сходим, – предложила Ленка.

Ольга кивнула.

– А-а-а, великие подружайки прибегли – Шурка стояла по-хозяйски подпершись в бока – Там и без вас утешителей достаточно.

– Иди отсюда, Лебедева, – прошипела Людка на Ольгу, – И не мелькай здесь больше, поняла?

– Вот соседи! – иронично изумилась Ольга. – Я тоже себе таких хочу. Ты больно-то глотку не рви, – посоветовала Ольга Людке, – а то я твоего Мишку Мейдзи враз захомотаю.

– Ведьмачка! – в бессильной злобе простонала Людка. Она давно замечала, что её суженый заглядывается на Ольгу.

Лебедева подхватила Ленку за руку и увлекла к Даниловой.

Тут действительно была истерика. Таньке консилиум врачей поставил диагноз «бесплодие».

Через несколько дней Танька пришла на ферму с твёрдым решением:

– Всё, – развязав косынку, сказала она, когда девчата уселись за обеденным столом, – уезжаю я отсюда, девоньки!

– Куды ж? – спросила Людка Сквородникова.

- В Севастополь.
- Почему туда? – поинтересовалась Ольга.
- Не знаю, всю жизнь хотелось посмотреть на этот славный город, да и мамка заладила «Севастополь» да «Севастополь».
- Девчата! Девчата! – влетела в комнату Шурка Сквородникова.
- Чего орёшь?
- Смотрите, смотрите какой! – она выглядывала из-за шторы во двор.
- Где? – подлетела к окну её старшая сестра.
- Кто это?
- Не знаю, хорошенький, правда?
- Ничего, – одобрила Людка.
- Пошли отсюда, – Ольга решительно встала из-за стола.
- Они с Танькой вышли на двор.
- Вот теперь можно спокойно поговорить.
- Девушки вошли в маленький садик и тихо пошли по песчаной тропинке.
- Ну так что же? Как же? – спрашивала Ольга.
- Не знаю.
- Как «не знаю»? А кто должен знать? Вон Адрианчук тоже твердил: «не знаю», а у самого программа на 20 лет вперед расписана.
- Приеду, поселюсь в общежитии какого-нибудь завода, буду работать.
- И все?
- Не знаю...
- Танька!
- Я не знаю...
- А учиться?! А цель жизни?!
- А у тебя?! – в тон ей вторила Танька.
- Я ещё не решила, – горячилась Ольга, – у меня столько версий в голове, пока ни на одной не остановилась.
- Вот и я.
- Нет, подожди, так ведь нельзя!
- Отчего же?
- Я – понятное дело. Я затаилась на время. А придет весна – уеду учиться. Я знаю.
- А я не знаю.
- Учиться не хочешь?
- Ольга, я не знаю! Приеду – посмотрю. На месте решу. А то сейчас загадаю, приеду же ни к чему. Понимаешь?
- Вот теперь понимаю. Трезвый взгляд, а то нашла отговорку.
- Не им ли восхищалась Шурка? – спросила Танька, указывая глазами куда-то в сторону.
- Что? – Ольга обернулась и встретила взгляд незнакомого молодого человека. – Может быть, – передёрнула она нетерпеливо плечами от его оценивающего взгляда. – Пойдем лучше обратно, холодно, – и девушка запахнула на себе фуфайку.

Через несколько дней Ольга и Танька стояли у поезда. Какой-то парень вызвался занести Танькины чемоданы в купе, она весело согласилась. И вообще она много смеялась и шутила. Последний гудок поезда и тоска защемила на сердце: неясная, сосущая тревога. Ольга сильно прижала Таньку к себе.

– Пиши, голубушка, ты только пиши, не теряйся, пожалуйста, – говорила Ольга, сдерживая слезы.

Танькин смех перешел в рыдания:

– Не хочу! Не могу! – выла она.

– Вперед! – крикнула Ольга, стараясь перекричать свист поезда, и оттолкнула от себя подругу. Затолкала в тронувшийся поезд. – Вперёд! И только вперёд! – потом улыбнулась, шутиливо погрозила кулаком. – Смотри у меня! Будь сильнее!

Долго ещё Танька стояла перед глазами Ольги: растерянная, несчастная, с заплаканными глазами. Куда она? Одна ведь! Совсем одна! Где найдет теперь себя?

Ольга долго ходила по осеннему растрепанному лесу. Возвращаться в Енисейц не хотелось. «Вот и Ленка скоро точно также улетит из гнездышка. Ещё годок – и нет!» – думала она.

– Да, интересная вы девушка, – раздался неподалеку мягкий мужской голос.

Ольга вздрогнула и обернулась:

– Чего вам? – она запахнула плотнее пальто.

– Дмитрий, – он протянул ей руку.

Она огляделась по сторонам. Как в этой глуши она могла встретиться с этим новоявленным бухгалтером Енисейской конторы?

– Ольга, – она осторожно подала ему руку, он также осторожно её пожал.

– О чем вы тут думаете?

– О жизни.

– А как вам философское понимание дороги?

– Вы намекаете...

– На вокзал.

– Вы что за мной следите?

– Да не, что вы!

– Послушайте! А впрочем, нет. Нам, надеюсь, не по пути, – она быстро пошла к проезжей дороге.

– Чего вы так бежите? – спросил он, догнав её.

– Ты чего ко мне привязался? – резко остановилась Ольга.

– А ты мне нравишься.

– Скажи это Шурке Сквородниковой, она будет просто без ума от счастья. А со мной ты явно теряешь время, дружок! – говорила она, иронично и презрительно оглядывала его с ног до головы.

– Н-да, ты действительно жестокая.

– С чего это вдруг? – говорила она со злостью и быстро шагала уже по дороге.

– Величественная осанка, уверенный взгляд – все говорит о желании лидерства, подчинять себе людей.

– Н-да, интересно, – сказала она совсем без интереса и рассеянно замолчала.

Мимо проехала машина и остановилась поодаль.

– Оленька, дверцу открыл её отец Дмитрий Семёнович, – садись, я домой как раз, – он усадил сначала её, потом сел сам.

Дмитрий Иванович Емельянов – новый бухгалтер, приехал из Москвы по распределению в сибирскую глушь. Этот умный, практичный молодой человек без оглядки влюбился в Ольгу. Он всюду за нею ходил, караулил после работы, преследовал на всех вечерах, что проходили в Енисейце. Просил, умолял отдать ему любовь. Этим самым он все более отталкивал девушку, которая терпеть не могла никакого кокетства, ни, тем более, волокитства. При встрече с ним она недовольно морщилась и спешила избавиться от неприятного ей общества. Он шел за ней кругом. Она бежала от него. Это, в конце концов, стало невыносимым, и Лебедева сама пригласила его к себе домой для разговора. Родители были на работе, поэтому говорить они могли свободно.

– Послушай, что ты от меня хочешь? – прямо спросила Ольга.

– Любви, – просто ответил Димка.
– Вы не у той её просите, Дмитрий Иванович, – сухо заметила она.
Ольга стояла у маленького замороженного окошка. Он сидел в кресле.
– Над нами смеётся вся деревня...
– Да что вам деревня! – прервал он её грубо и встал с кресла. – Вы ничего на свете не боитесь! Тем более людской молвы.
– Да, это ты верно заметил, мне-то ничего, а тебе может...
– Мне? Да что я?! Я ваша тень – и только!
– Слушай, ты мне насточертел! – она резко повернулась к нему и теперь открыто испепеляла его взглядом – Я свободная птица! Я никогда никого не полюблю! Ни тебя! Никого в целом мире!
– Не зарекайся, – с тоской сказал Димка.
– Отстань от меня! Если любишь – отстань! Дай дыхнуть!
– Хорошо, – он быстро схватил пальто и выскочил на улицу.
Через месяц Ольга по каким-то своим бригадирским делам заскочила в контору. И встретила Дмитрия на крыльце.
– А, Ольга Дмитриевна, – сказал он весело и бросил окурочек в урну. – Здравствуйте!
– Здравствуйте, Дмитрий Иванович.
– А у нас новость! – его глаза искрились радостью.
– Что такое? – она остановилась и вглядывалась в его совершенно новое выражение лица.
– У Кирилла Михайловича, у председателя, внук родился.
– У Сергея сын! – она близко подошла к нему. – Ты не шутишь?
– Нет, у Сергея Кирилловича сын.
– Сын! – восхитилась чему-то Ольга. – Молодец! – она хлопнула Димку по плечу, как будто он чему-то способствовал. И они оба чему-то рассмеялись. Потом дружески пожали друг другу руки и разошлись.

С этих пор Димка не давил на Ольгу, не раздражал своим присутствием, своими встречами по дороге домой. Она много говорила с ним о жизни, о работе, о людях и Енисейце. Ей было как-то теперь спокойно с ним, весело и интересно. А он не претендовал на большее, что вполне устраивало Ольгу.

Через несколько недель в Енисейц вместе с весенним теплым ветерком пришло письмо из Смоленска. Ольга в этот день пришла чуть пораньше с работы, долго грела мокрые озябшие руки, потом ужинала. Лишь поздно вечером Марья Тихоновна, не отрываясь от проверки многочисленных тетрадей, сказала:

– Ах да, Оленька, там у Дмитрия Семёновича на столе лежит письмо к тебе, прочти.

– Из Смоленска! Смотри-ка, не забывают! – говорила она радостно, открывая письмо.

«Ольга, здравствуй! – писала рука Любаши. – Ты ведь знаешь, у меня и не осталось никого в Енисейце, кроме тебя и Леночки Митяевой. К кому писать, как ни к тебе? А у меня такая радость, такая радость... Но, по порядку. Устроились мы хорошо. Сначала нам комнату в общежитии дали от Андрюшиного завода. Люди здесь хорошие, всем нам помогали. Но ты же знаешь Андрея. А я не жалею, я за ним как за каменной стеной. Ничего, что он гордый, правда? «Сами, – говорит, – со всем справимся, ничего у других не бери, Любаша». Я ведь родила, Ольга! Вот уж как месяц прошел. Сына родила, Максима. Теперь живем в отдельной квартирке. Нам как молодой семье выделили. Я дома сижу, хозяйство веду, за сыном смотрю. Андрюшенька работает, да еще время находит в институт на лекцию сбегать, представляешь? Спрашиваю: «Зачем?». Он мне, мол, послушаю, а на следующий год обязательно поступлю. Мы с ним тут в кино и на литературный вечер ходили. Андрюшенька каждый вечер берёт Максимку на руки и мы все вместе идем гулять.

Ольга! Знаешь, как я счастлива! Как я спокойна! У меня такой мир в душе! Я отдыхаю ото всего, что перенесла в Енисейце. У нас очень хорошо, тепло, просторно. Приезжайте с Ленкой погостить. Ну все, пошла я дела делать. Пока».

Ольга вновь и вновь перечитывала письмо, и у самой становилось тепло на душе.

– Ну что она там пишет? – поинтересовалась Марья Тихоновна.

– Сына родила, Максимом назвали. Живут в собственной квартире. Каждый вечер гулять ходят, в кино, на вечера разные.

– Вот как? – удивилась Марья Тихоновна. – Ну и отлично. А ты...

Но Марья Тихоновна не договорила, Ольга вышла.

Подруга в тот же вечер написала ответ Любаше об отъезде Таньки Даниловой в Севастополь, о рождении у Сергея и Наташи Долговых сына Жени, о новом бухгалтере, который «чуть было не влюбился» в Ольгу.

ЧАСТЬ III

ГЛАВА 1

Дегтярёвы

Говорливые ручейки весны 1927 года принесли весть о замужестве старшей дочери Сквородниковых. Она училась в Москве. Это была самолюбивая, истеричная девушка. Училась она всегда прилежно. И всё, что можно было почерпнуть из сибирского захолустья, вобрала в себя. Её звали Валентиной. Она ни за что не хотела оставаться в деревенской избе и вся стремилась к цивилизации. Вот и училась, спала по три часа в сутки, каждую неделю ездила в светлоярскую библиотеку за книгами (больше трех произведений на руки не давали). И добилась! Поступила в университет и больше уже не возвращалась. О свадьбе её узнали лишь из письма, которое она написала матери. И только это письмо успело попасть в руки тетки Нюрки, как о новости знал не только Енисейц, но и вся близ лежащая округа выше и ниже по Енисею. Каждое деревце знало оскорбленное чувство матери: «Как же так, без родительского благословения?!» – растерянно вопрошала она. Но в душе, конечно, была рада: «Вот за московского вышла. Теперь и квартира своя будет. Моя Валька не продешевит». И действительно, всем было ясно, что Валька Сквородникова не продешевит. Уж такой она была человек. Тетка Нюрка надеялась, что Валентина привезет своего мужа на лето. «Посмотреть хоть на него, что он за человек», – рассуждала она и стоптанные тапки несли её уже к другим воротам.

– Да тряпка какая-нибудь, – однажды в раздумье сказала Ленка.

– Почему ты так решила? – Ольга лежала на кровати и читала книгу. Ленка сидела за столом и решала очередную задачку.

– Она только такого себе и возьмет. Любой другой с ума сошел бы с ней, или, лучше всего, морду ей бил каждый день.

– Митяева, я не сомневалась в твоей доброте.... А, впрочем, ты права, – добавила Ольга, немного подумав. – Бедная тетка Нюрка сгорает от любопытства. Я тоже у неё понемногу этим заразилась.

– Хочешь на него посмотреть?

– Мыгы.

– Вот закончу учебу, и буду, как ты – блаженствовать! – Ленка кинула карандаш и потянулась.

– Куда после, не думала? – спросила Ольга.

– Может, к матери в Смоленск махну.

– А отец?

– Вот то-то же.... Пока не знаю.

Ольга погрузилась в чтение, Ленка опять взялась за карандаш.

* * *

За ужином Дмитрий Семенович рассказывал о каких-то Дегтярёвых, Ольга его не слушала. У неё перед тарелкой лежала книга, и она была полностью увлечена чтением.

– Да послушай ты. Кому я рассказываю? – Дмитрий Семенович захлопнул книгу и положил её на комод.

Ольга огляделась, в кухне действительно никого больше не было, и ей пришлось слушать болтовню отца.

– Так вот, потом Глаша стала у него практику перенимать.

– Какая Глаша?

– Ну! – огорчился Дмитрий Семенович. – Я же говорю, что ты меня не слушаешь! Глаша – доктор наш новый.

- Доктор? Женщина? А у кого она практику перенимала?
- У Зарецкого.
- У нашего Зарецкого?
- Да-да-да. Он ей все показывал, рассказывал.
- А откуда она? Я впервые о ней слышу.
- Она приехала с мужем еще вчера к нам в Енисейц, и будет жить недалеко от нас.
- Как же Зарецкий мог её учить. Он же местный: тут родился, женился да здесь же и помер.
- Так ведь и она наша, на время уезжала в Крым.
- Странно, что я о ней никогда не слышала.
- И сына с собой привезла. Говорят, что сын у неё вообще гений медицины, очень умный и мозговитый парень.
- Такой взрослый сын? Он у неё один?
- Нет вроде как... В общем – не знаю.
- Фу, папа! Ты бы лучше и разговора не заводил, раз дела не знаешь, – грубо посоветовала Ольга, и они продолжили ужин в тишине.

* * *

Глаша Дегтярёва была Глашкой, которую некогда князь Кирилл Дмитриевич Веришилов выдал замуж за коваля Дегтярёва. Через несколько недель появился и первенец Алексей, он родился в дороге, когда князь отправил молодую чету в Крым к когда-то сосланной туда родственнице Волковой. Через год у них родилась дочка Дуняша, затем еще через пару годков и сын Петенька. И вот спустя 22 года вернулись обратно. На вопрос местных: «Почему?» старый кузнец иронично ответил: «Крестьяне крепки к земле своей». Они вновь выстроили дом, перевезли своё хозяйство из временной лачужки, где поначалу остановились, и стали жить. Семен работал в колхозных мастерских, а Глаша трудилась пока на дому. Семья не бедствовала: Глаша действительно оказалась отличным лекарем, и их дом всегда был полон всякого добра, которое несли енисейцы за свое здоровье.

С родителями приехал их старший сын Алексей. Личность довольно загадочная. В деревне вспомнили о его происхождении, говорили, что он прямой наследник Веришиловых, что Глаша родила его от князя Кирилла Дмитриевича, который за это её и усрал подальше от имени своего. Ни Глаша, ни Семен этих слухов не отрицали.

Дегтярёвы всё это время жили в деревеньке Ямельяновке под Севастополем, куда переехали сразу после революции. Алексей учился в педагогическом московском университете, затем поступил еще и в институт медицинских наук. Он даже был включен в список лучших студентов, которые выезжали за границу на несколько недель. Алексей остался там на два года за счет своих энциклопедических знаний, изучал мировую медицину. Поработав там над человеческой психологией (импульсы головного мозга), он вернулся на родину и сразу получил два диплома: учителя-словесника и доктора-невролога. Приехал в Севастополь, завел там практику, весьма успешную. Но затем за какую-то темную историю его лишили медицинской лицензии.

И вот через месяц этот ученый муж посетил маленькую сибирскую деревеньку на берегу Енисея, где наслаждался просыпающейся от зимнего сна природой Енисейца.

Работать почему-то этот человек с двумя высшими образованиями не хотел. Его почти никто не видел в деревне. Он постоянно бродил по лесу и берегам Енисея. Девушки, особенно Шурка Сквородникова, сходили с ума от неизвестности.

ГЛАВА 2

Знакомство

Солнце ослепительно светило на остатки снега. Сегодня взбурливший серый Енисей взломал толстый лёд и понес его по своему обычному течению, заставляя неуклюжие льдины плясать вдоль берега. Лешка с интересом наблюдал за одной из таких льдин, как вдруг с отвесного обрыва посыпались крошки грязного снега. Он поднял голову. Там, наверху, у самого края обрыва, о платформу которого билась с бешеным ревом разъяренная река, стояла Ольга с непокрытой головой и распахнутым пальто. Она подставила лицо ветру и прикрыла глаза. Что-то божественное было в этой стройной фигуре, залитой весенним солнцем. Лешка не без труда поднялся на обрывистый берег, но никого уже там не нашел. «Нет, привидеться мне это точно не могло», – подумал он и медленно направился вдоль реки.

Через день Дегтярёв прогуливался по лесу. За раздумьями и не заметил, как зашел в самую глушь.

– Что это вы тут делаете? – на него в упор смотрела девушка. Она сидела на пенёчке и грелась на солнышке.

– Отдыхаю, – ответил Лешка, бесцеремонно осматривая девушку.

– От чего? – она вдруг сняла сапог и вылила оттуда воду.

– Гм... – Лешка обалдело смотрел, как девушка, не стесняясь, сняла мокрый чулок и выжала его.

– Так от чего же? – она вскинула на него взгляд синих глаз.

– От людей.

– От людей? А что они вам сделали?

– Надоели.

– А-а-а-а, мне тоже они страшно надоедают порой. Видеть их не могу. Взяла бы так всех и поперестреляла.

– И чтобы не совершить этого, вы так далеко забираетесь? – спросил Лешка, осматривая густую чащу деревьев с едва заметным налетом набухших почек.

– Да, наверняка, – Ольга вновь надела сапог и встала с пенёчка. – Весною хочу почему-то всегда острее почувствовать свою свободу.

– Странно, обычно девушки весной хотят почувствовать любовь, испытать силу этой любви. Затем удачно выйти замуж, нарожать своему единственному кучу детишек и жить долго и счастливо.

– Вы забыли еще о том, что еще этой девушке надо вступить в комсомол, вкалывать на колхозных фермах и полях, чертить палочками на небелёной стене свои трудодни и сначала думать о будущем своей великой Родины, и только потом о своем личном счастье.

– Ну, зачем же так иронизировать? Вы, кстати, простите за бестактность, но позвольте узнать ваше имя.

– Ольга.

– Отлично! Алексей! – слегка наклонил он голову и как-то неприятно улыбнулся. – Ольга, вы забываете, что семья – это ячейка общества.

Ольга зло расхохоталась. Он молча смотрел на неё несколько секунд.

– Дурак! – резко бросила ему Ольга и также загадочно исчезла, как и появилась.

Лешка в недоумении оглядывался вокруг.

– Дурак, – подтвердил он и бесцельно пошел навстречу солнцу, перебирая в памяти этот разговор.

– Ты знаешь, кого я встретила в лесу? – спросила Ленку Ольга, перелистывая «Историю России» Карамзина.

– Кого?

– Лешку Дегтярёва.

– И как?

– Самоуверенный нахал.

– Ого! Что так!

– Пообщаешься – узнаешь.

– После такой характеристики мне как-то и не хочется.

– А знаешь... Да оторвись ты от своей анатомии!

Ленка подняла голову и с недоумением посмотрела на подругу.

– Ничего теперь не скажу! – обиделась Ольга и быстрее начала листать книгу.

Ленка улыбнулась и опять склонилась над тетрадкой.

– Он мне почему-то понравился, – тихо, как бы между прочим, проронила Ольга.

Ленка внимательно посмотрела на соседку.

– Чем?

– Он необычный, не похож на наших.

– Смотри, не влюбись мне еще! – пробурчала Ленка, на что Ольга рассмеялась

– Ну вот, ничего-то тебе рассказать нельзя!

После этого дня Ольга стала все больше ходить по округам Енисейца, где в глубине души хотела встретить своего нового знакомого, но сама себе в этом боялась признаться. На замечания Ленки она лишь смеялась, но вскоре смех перешел в злость не сколько на Ленку, сколько на саму себя. Она перестала бесцельно бродить по округе и больше вникла в работу.

– Здравствуйте, Ольга Дмитриевна, – Димка остановился на обочине разбухшей дороги, и ждал Ольгу, которая возвращалась с фермы.

– Здравствуйте, Дмитрий Иванович! – сказала она весело.

– Ольга Дмитриевна, так ведь нельзя работать!

– Как?

– На износ. Вы очень много сил отдаете работе, надо и отдыхать. Кстати, а вы знаете, что меня назначили главным бухгалтером?

– Да?! Искренне рада за вас! А хорошо идет ваша служба, а? Как вы считаете?

– Превосходно, Ольга Дмитриевна! Превосходно! А вот и моя служебная машина, позвольте довести вас.

– Позволяю, – рассмеялась Ольга.

Когда они сели, главбух обратился к шофёру

– Езжайте через Большую и прямо к конторе.

– Почему через Большую? – повернулся тот и посмотрел на Димку

– Потому что нам нужно завести вот эту милую особу домой, – пояснил Димка и взгляд шофера встретился с Ольгой.

– Это мой шофер Алексей. Кстати, я уже заложил фундамент своего дома.

– Вы строите дом?

– Да, надоело в этой избенке сельсовета жить. Отстрою дом и – женюсь! Пойдете?!

– Вы неисправимы, – вздохнула Ольга.

– Да не спешите с ответом, – смутился Димка.

Автомобиль подъехал к дому Лебедевых.

– Спасибо, что подвезли, – Ольга пошла к дому.

– Приходите сегодня вечером на танцы, – крикнул ей вдогонку Димка.

– Я подумаю! – обернулась Ольга и помахала на прощание рукой.

– Переодевайся. Пойдем картошку сажать! – холодно встретила её Марья Тихоновна.

– Иду!
На танцы Ольга так и не пошла.

ГЛАВА 3

Письма двадцать седьмого года

Грязные проталины покрылись зеленой травой, сочные листья распустились в одночасье, как-то незаметно для нас, занятых людей. И вот оглядишься по сторонам: солнце припекает совсем по-летнему, ветерок играет пушистыми зелеными кронами деревьев, а под ногами так и стелется зеленый травяной ковер.

Ленка сдала выпускные экзамены и уже съездила в Москву узнать о поступлении в университет. Привезла оттуда письмо от Адрианчук Любы и Андрея.

– Ты где их нашла? – бегала по дому с письмом в руках Ольга.

– Ездил к матери в Смоленск. Иду по парку, а там так красиво!

– Не будем распространяться – к делу! – потребовала Ольга.

– Да. Иду я по парку. Ты не представляешь, там деревья подстрижены и все одинаково, как те тридцать три богатыря! Фонтан...

– Прибью ведь сейчас! – нетерпеливо перебивает её Ольга. – Идешь ты по парку...

– Да, иду я по парку, мороженое ем, а знаешь какое там вкусное...

– Нет, это невыносимо! – зло крикнула Ольга.

– А навстречу мне парочка с колясочкой. Идут под ручку улыбаются, что-то между собой воркуют. Я думаю...

– Без «думая», пожалуйста, – торопит подруга.

– Не перебивай! Думаю, что-то знакомые лица. Прошла уже, а потом как молния в голове, да это же наша Любаша с Андрюхой. Я назад – догнала. Вот и вся встреча.

– А ты у них дома была? Максима видела? Они не болеют? Как выглядит Любаша? – засыпала Ольга соседку вопросами.

– Любаша выглядит счастливой, раздобрела. Никто из них не болеет. Максим замечательный карапуз, смеётся постоянно и почти никогда не плачет.

– А что твоя мать?

– Мама живет с мужем, с сыном. Но я у них недолго была, почти всегда торчала у Адрианчуков.

– С каким сыном? У тети Ани есть сын?

– Да, зовут Женькой.

– Это что выходит у тебя есть брат?

– Ага, сводный правда. Он мне понравился: интересный малый, заводной такой! Он в Смоленском Юношеском театре играет, представляешь? Дальше хочет в Москву поступать в театральный.

– Ну а Люба с Андреем ссорятся?

– Ты что? – Ленка вздохнула мечтательно и уставилась в потолок. – Идиллия!

– Молодцы! – с этими словами Ольга открыла письмо от Любаши.

«Здравствуй, Ольга. У меня все хорошо.

Максимка у меня молодечик, не болеет, не вредничает. Все лопочет что-то веселое, сам над собой смеётся. Я вместе с ним каждому дню радуюсь.

Андрюшенька хочет выправить нам домик в деревеньке неподалеку от города, чтобы мы там отдыхали, росли на деревенском молочке.

У Андрея новая идея. Хочет в Москву перебраться.

К нам Леночка Митяева приезжала. Жила у нас, так весело было с нею. Она нас познакомила с братом Женей. Я была очень удивлена, когда ко мне пришла Лена с известной местной звездой юношеского театра, да ещё сказала, что это её брат по матери. Жене у нас понравилось,

и он обещался у нас бывать. А мне ведь скучно одной. Все дела по дому переделаю и не знаю, куда себя деть. Ну ладно, разболталась. Хотела ведь всего несколько слов черкнуть, а вышла поэма. Все остальное расскажет Лена. Пока».

– Да, расскажет она! – Ольга с усмешкой посмотрела на Ленку.

В дверь постучали.

– Здравствуйте! – послышался обаятельный мужской голос в прихожей, когда Ленка открыла двери.

– Зрестя! Батяня дома? – спросил второй развязанный ехидный голос.

– Нету-с, – Ленка попыталась закрыть дверь, но её отпихнули и бесцеремонно вошли в дом.

– Ты одна? – все тот же ехидный голос и на пороге возникла рыжая фигура Мишки Мейдзи. – Вижу-вижу с кем ты тут.... Наше вам почтеньице, – раскинув руки для объятий, он шел прямо на Ольгу.

– Это что такое?! – ледяным тоном спросила Ольга, высокомерно приподняв бровь.

– Здравствуйте, Ольга Дмитриевна, – за спиной Мейдзи стоял Лешка Дегтярёв. – Мы вот к Евгению Васильевичу пришли, а его нет. Мы подождём его Елена. Можно?

– Только вот вы один, без этого разгильдяя!

– Без оскорблений, пожалуйста!

– Мейдзи! Пьян?! – резко спросила Ольга.

– Голуба моя...

– Понятно! Иди-ка ты, дружок, отсюда и товарища с собой прихвати, – Ольга встала и, круто повернув за плечи Мейдзи, легонько подтолкнула к выходу.

– Уже иду. Леха пойдем. С этой дивчиной ничего не попишешь. Пойдем, мой верный друг, мой друг бесценный...

– Балбес, – крикнула Ленка с крыльца вдогонку приятелям. Заперев дверь на засов, она вернулась в комнату. – Н-да-а, Лешка смотрит на тебя с большим интересом. Только всё это напрасно.

– Почему же?

– Оттолкнешь!

– Может и нет, – раздумчиво ответила Ольга.

– Ну а Долговых ты в Москве навестила?

– Нет, – поникла головой Ленка. – Я ходила к ним несколько раз, тилинькала – тилинькала, никого нет!

– Что ты делала? – не поняла Ольга.

– Тилинькала.... В смысле звоню, у них рядом с дверью кнопка такая. Её когда нажимаешь, то в квартире тилинь-тилинь слышно.

– Поняла-поняла, – отмахнулась подруга.

– Ольга! – послышался голос матери.

– Ладно, – Ольга сунула письмо в карман, – пойду я, моя мамка пришла.

– Валяй.

– Опять на картошку пойдем, – вздохнула Ольга, повязывая платок.

– Я тоже сейчас на огород пойду.

* * *

– Дома столько дел, а ты там расслаиваешься! – с упреком встретила дочь Марья Тихоновна, прихорашиваясь перед зеркалом. – Сейчас отец с полей вернется, нужно ужин готовить, а ты все шатаешься где-то. Почему до сих пор огурцы не политы?! – одна за другой звонко падали на стеклянный столик шпильки, которые Марья Тихоновна вынимала своими тоненькими пальчиками. – А когда горькие огурчики попадают – мы морщимся: «невкусно!» – она изящно наклонила голову к плечу и теперь снимала брошь.

– Натаскай воды!

– Сейчас, – буркнула Ольга.

И пошли друг за другом выглядывать из разных уголков двора житейские дела: то нужно полить, это надо прополоть, капуту от бабочки побрызгать, паданцы под яблоней собрать. Усталая, Ольга садится за стол только тогда, когда приходит с работы отец и Марья Тихоновна румяная от жаркого огня печи с туго заплетенной косой накрывает ужин.

– А ведь Лешка молодец, – говорит довольный отец, утирая рушником свое загорелое усатое лицо.

– Какой ещё Лешка? – спрашивает Марья Тихоновна, вешая влажный рушник на затворку печи.

– Сын коваля нашего, – засучивая рукава свежей рубахи, ответил Дмитрий Семенович.

– Дегтярев что ли? – Марья Тихоновна хлопотливо ставит перед мужем тарелку тушеной баранины с картошкой.

– Ну да, он самый. Не побоялся за баранку сесть, а уж какой ученый, – и Дмитрий Иванович отправляет в рот большой кусок мяса.

– Ой, какой он там ученый? – раздраженно спросила Ольга, с не меньшим аппетитом опустошая тарелку.

– У-у-у, по-английски знаешь, как шпарит? Нет, молодчага парень!

– Молодчага так молодчага, ешь давай, – нежно сказала Марья Тихоновна, заботливо приглаживая непослушный вихор на голове мужа.

– Пап, ты про Сергея Долгова ничего не слыхал?

– «Не слыхал», – прошипела Марья Тихоновна, – не слышал! Чему я тебя учила!

– Маша, – прикрикнул на жену Лебедев. – Нет, не знаю, – обратился он к Ольге, – сходила б да узнала сама. А то все дома сиднем сидишь. Сходи-ка к Кириллу Михайловичу.

– Схожу, – решила Ольга и опять уткнулась в тарелку.

– Да, я там слышал, что тетка Нюрка Сквородникова жалобу на тебя написать хочет.

– Что такое? – настороженно спрашивает Марья Тихоновна.

– я и сам бы хотел знать, что такое?!

– Тетке Нюрке надо же про что-то говорить, – беспечно говорит Ольга, вытирая жирные руки салфеткой.

– Говорит Людку её и Шурку совсем загоняла. Сама делать ничего не делает, а на девках в бригаде выезжает, показатели дает. А девчонки надрываются... Что молчишь?! Правда, али нет?! – отец с шумом отодвигает тарелку.

– Пойду чаю принесу, – Марья Тихоновна поспешно уходит.

– Ну конечно неправда! Что языком-то зря трепать!

– Ты!... Чтoб я такого больше про тебя не слыхал!!

– Не слышал, пап. И чему только тебя Марья Тихоновна учила?!

– Уезжай ты отсюда! – взмолилась Марья Тихоновна, не смея глянуть на мужа, нервно расставляя бокалы на столе.

Дмитрий Семенович ничего не сказал в ответ, вышел на террасу, закурил.

– Маша, принеси сюда чаю. А тебе... – он тяжело посмотрел дочери в глаза, – я все сказал. Услышу – прибью!

Марья Тихоновна с шумом начала переставлять посуду со стола на поднос.

– Помоешь посуду, свиньям корму задашь, корову встретишь и подоишь! А я прилягу – уморилась! – и она вышла с подносом в руках.

На следующий день тетка Нюрка подошла к Ольге, когда та доила корову. В голове Сквородниковой не было злых намерений.

– Ну что ж, голубка, когда замуж пойдешь? – задала она безобидный вопрос.

– Успеется. Вы бы свою Людмилу спросили. Девке уж 22 года, а замуж все никто не берет, даже Мишка Мейдзи и тот свою рыжую морду воротит.

– Уж не в твой ли огород он воротит свою рыжую морду?! – зашипела Сквородникова.

– А в чей бы не воротил, да все не в ваш! – весело ответила Ольга.

– Смотри ты кака премудра стала!! – заорала взбесившаяся тетка Нюрка. – в бригадиршах ты разъязыкастилась больно, как я погляжу!! Моих девок не тронь! Мало от тебя баб с подорванными животами поуходило. Вон Танька Данилова, как есть бездетна оказалась, а почему спрашиватца?! Все от твоих работ!! Она кругом хочет быть первой, а другие надрывайся за неё...

Сквородникова не договорила. В этот момент Ольга надела на её голову ведро, вылив все молоко ей на плечи. Все замерло. Ольга кивнула Ленке:

– Ну вот и новый способ закрыть рот тетке Нюрке! – и весело хлопнув по спине коровы, погнала её в стойло. За спиной Ольги раздался сначала одинокий Ленкин смех, который перерос в дружный хохот всей бригады доярок.

Вся мокрая, в молоке, с ведром в руках тетка Нюрка кинулась к деревне.

– Ну, жди беды, – сказала ей в след Ленка.

– Батяня меня точно прибуёт, вздохнула Ольга.

Через полчаса Ольгу вызвал к себе председатель Кирилл Михайлович Долгов. Она переделась и пошла к деревенской конторе.

У крыльца стояла машина Емельянова. Рядом слонялся Лешка Дегтярёв, о чем-то переговаривался с Мишкой Мейдзи.

– О-о-о! Наша бой-баба мчится! Да здравствует молодой комсомол, что забивает насмерть старый уклад царской России!

– Не ломайся, Мейдзи, – добродушно посоветовала Ольга. – За мной дело не встанет: вдарю – поперек растянешься!

– А может, я мазохист какой. И мне будет так приятно...

– Здравствуйте, Ольга Дмитриевна, – Лешка снял с головы кепку и немного наклонил голову.

– Здравсте, – кивнула мимоходом Ольга и поспешно взбежала на крыльцо.

Из своего кабинета вышел Димка. Он знал, что Ольга вот-вот придет, и ждал её прихода, не отходя от окна.

– Ольга Дмитриевна! – воскликнул он радостно и сжал её ручку в своей горячей руке. – Здравствуйте! Давненько мы с вами не виделись.

– Да, давно, – холодно ответила Ольга, пытаясь вырвать руку. – Дмитрий Иванович, не надо на меня так смотреть.

– Соскучился! – улыбнулся Димка, выпуская её руку, но не сводил влюбленного взгляда. – А вы, правда, Анну Николаевну побили?

– Это громко сказано и слабо сделано. Никого я не била.

– Ольга Дмитриевна, – на пороге стояла молодая комсомолочка Вера Павловна Алмаз, – Кирилл Михайлович просит вас поторопиться, а то ему еще на пасеку ехать.

– Уже иду.

– Проходите! – сухо пригласил председатель. – Ну как же вам не совестно, Ольга Дмитриевна, беззащитную пожилую женщину жестоко избить ведром только из-за того, что её дочери не сдали вам нужного удоя?!

– Это она вам такую чушь наплела? Кому вы поверили, Кирилл Михайлович? Кому?!

– Я человеку поверил, Оленька.

– Да был бы он, Кирилл Михайлович! А то ведь вся на желчную слюну изошла!

– Хорошо. Говори.

Ольга рассказала все без утайки.

– И все-таки, Ольга Дмитриевна, я вам объявляю выговор.

– Да, понимаю.

– Нужно быть посдержаннее. Особенно на работе. А вы уж очень вспыльчивая девушка. Нужно научиться держать себя в руках. Это ведь важно в жизни.

Ольга понимающе кивнула. Кирилл Михайлович засобирился на пасеку. Он распорядился насчет лошадей.

– Как там Сергей? – спросила уже стоя на пороге Ольга.

– Ах. Да! – хлопнул себя по лбу председатель. – Совсем позабыл. – С этими словами он отдал со своего стола в Ольгины руки два письма. – Вот. Почтальонка оставила у меня. Узнала, что ты сейчас ко мне зайдешь.

– Да тут вся деревня в курсе. Что я к вам зайду. – Ольга с усмешкой взяла письма и вместе с председателем вышли на крыльцо сельсовета. Кирилл Михайлович по-хозяйски взял в руки вожжи и поехал по укатанной дороге.

Лебедева рассматривала конверты. Одно письмо было от самого Долгова, а на другом родным ровным почерком выведено «от Т. Даниловой из г. Севастополя»

– Что ж вы, Дмитрий Иванович, сами на машине разъезжаете, а председатель все в двуколке трясется?!

– Мне машину для шика на поездки в город дали. Тем более машина не моя, а общая...

– Знаю, знаю, – отмахнулась она от Димки и задумчиво пошла к фермам.

Ольга закрылась в зимних ограждениях и быстро распечатала письмо от Сергея. «Странно, – думала она, разворачивая исписанный лист, – почему не сама Наташа написала, как это было всегда. Сергей мне никогда не писал. Может быть, что-то случилось?!» Но тревога сразу прошла, как только Ольга прочла первые строки, в которых Сергей расхваливал столичную жизнь. Описывал в ярких красках свою учебу на инженера-строителя, свою работу, работу жены Натальи, про сына Женьку, которого они отдали в детский сад. Рассказывал про самые разнообразные развлечения по выходным дням. Вся жизнь выходила сказкой в столице. Совсем иначе писала о Москве Наталья в предыдущих письмах, в которых жаловалась, что Женя никак не может привыкнуть к садику, у бабушки в Енисейце ему было бы намного лучше. В Москве душно, нет ни одной свежей струи, писала про невероятную тоску по родному Енисейцу.

Все стало ясно: или отец, или, что скорее всего, мать Ольги попросили Сергея склонить её уехать в Москву. И теперь Сергей старается заманить Ольгу сомнительными письмами о красивой Москве.

С трепетом девушка открыла конверт из Севастополя. На неё веет теплый ветер морского бриза, мягко качается парус на сине-зеленых волнах, бухта, полная красивых белоснежных пароходов, кораблей с самыми различными названиями на самых разных языках; матросы с открытыми загорелыми лицами, суровые капитаны в белоснежных кителях и сияющих фуражках, – все это представляется Ольге под этим весомым и гордым названием – Севастополь.

«Привет, Ольга, – бегут аккуратные ровные строчки. – Вот, кажется, совсем недавно я стояла рядом с тобой на станции и плакала. Не буду кривить душой: всю дорогу мне было очень-очень плохо. И чем дальше от Енисея, тем хуже. Поначалу я и в Севастополе плакала по нашим кисейным берегам. Но ничего, человек быстро ко всему привыкает. Вот и я – привыкла.

Живу я на самом берегу моря в бараках, насквозь пропахших рыбой. Работаю у одного артельщика: чищу, сушу, разделяваю, сортирую рыбу, и она мне так осточертела, хуже нашей пареной репы. Летом буду пробовать поступать в медицинский. Меня тут одна немка готовит. Я, кстати, благодаря ей, многое поняла и переосмыслила, да ещё и по-немецки говорить немного научилась. Сначала было странно слушать её и не понимать, вроде глухонемого. Но теперь я немного говорю по-немецки, а она по-русски. Очень занятный у нас диалог, кто бы со стороны послушал! Мы работаем и живем вместе. Её беременную тут бросил один испан-

ский торговец. Представляешь, подлец какой! Я сразу нашего Адрианчука вспомнила. Какой он все-таки молодец! И ему, кстати, все вернулось: вон как хорошо живут, на зависть всем! А у Долговых, как я поняла из Наташкиных писем не все так гладко. Он, кажется, от неё здорово гуляет с москвичками. Вот она и рвется обратно в Енисейц. Думает, что такой отец, как Кирилл Михайлович, да еще и председатель, не даст чудить сынку. Да и её родители семье новоиспеченной распастся не дадут. А я не хочу вот так, как она, бояться за свою семью. Мне нужна хорошая, твердая опора. Хотя у меня, у бездетной, шансов нет. Судьба, судьба. Ну да ладно!

Я общаюсь тут с одной только этой милой Щёбелихой, как я её называю. Мне её искренне жаль. Она уже на восьмом месяце беременности, а вкалывает наравне со мною. А я была другого мнения об этих заграничных дамочках. Она мне много рассказывает о своем брате Франке Щёбеле, он у неё совсем недавно на профессора медицинских наук защитился. Она мне его карточку показывала. Ну, такой молоденький, ну просто мальчик пятнадцати лет. Она мне говорит, что мы могли бы вместе в Германию поехать к ним, и он бы меня вылечил от моей бездетности. Я так переживаю по этому поводу. В нашем Енисейце я зачала бы давно от постоянных насмешек и уколов, а тут никому до этого нет дела. Тут спокойнее.

В общем, не болею, чувствую себя отлично! Ко мне уважительно относятся артельщики. Они шутят, что за женами будут ездить исключительно на наши берега Енисея. В оплате меня не обижают. Я у хозяина работаю, а на государственных предприятиях гораздо хуже. Люди работают за трудодни, за это им выдают талончики, а живут они по несколько семей в одном бараке, где мы проживаем втроем: я, Шёбелиха да старуха Лиза, она, кажется, раньше была дворяночкой. Эта Лиза работает поварихой в нашей артели. Ну всё, Моника, так зовут мою немочку, тушит свет. Ложимся спать.

Пока. Целую тебя, твоя Татьяна»

В дверь долбят ногой. Ольга быстро суёт письмо за пазуху и отворяет двери. На пороге стоит Ленка.

– Тебе что, Долгов выговор влепил? – её глаза синие пресиние, такими тёмными они становятся у Ленки только во время гнева, когда ею владеет чувство обиды и злости, она даже их чуть прищуривает и всё лицо её становится выразительным и чрезвычайно красивым.

– Да.

– Вот олух! Ты ему хоть рассказала, как дело было?!

– Конечно! Ведь тетка Нюрка, сама знаешь, все вечно перевернет с ног на голову.

– Да слышала уже! Такое наплела – все бабки в погреба попрятались, а деды бога вспомнили – крестятся да молитвы читают.

Ольга расхохоталась злым смехом.

– Хочешь, – вдруг совсем миролюбиво предложила Ленка и достала большое яблоко из кармана юбки. Ольга взяла.

– А ты хочешь? – и она протянула Ленке два конверта.

– От Сергея?! – удивилась Ленка, Ольга иронично кивнула. – От Таньки! – задохнулась от радости подруга, она подпрыгнула на месте, как молодая козочка, и побежала на прежнее место Ольги в зимниках.

ГЛАВА 4

Великое таинство

В это лето в Енисейц прибыли два новеньких трактора, а с ними приехал весь сияющий механик – машинист Лешка Адрианчук, младший брат Андрея. Он, лихо заломив кепку, щеголял по цветущему Енисейцу под жадным взглядом любвеобильной Шурки Сквородниковой. Ей нравились красивые удачливые парни и её мрачная душонка в этом красивом теле разрывалась между Димкой Емельяновым, главбухом, которого она обрабатывала давно, но все безрезультатно, приедем Лешкой Дегтярёвым и теперь ко всему этому цветнику добавился ещё и Лёшка Адрианчук. Но она была глубоко уязвлена в своей девичьей «гордости», когда узнала, что Лешка посватался к очень миленькой секретарше председателя Верочке Алмаз. Правда «фигу трижды целовать», как говорилось в Енисейце о сватовстве, пришлось у старшей сестры Верочки, у Натальи, которая срочно приехала из Москвы в Енисейц, чтобы выдать сестрёнку замуж. Свадебный обряд проходил, хотя и в ЗАГСе, но со всеми народными обычаями. На девичнике Ленка, Ольга, да сестра невесты обмывали девушку, заплетали ей косы и пели красивые длинные песни, что издавна певали енисейки на своих девичниках. Песни заунывные, берут за душу коренную москвичку, что попала по распределению в этот дальний забытый край. Невеста искренне плачет и даже голосит, жалея свою вольную жизнь, да девичью честь.

Ольга уходит с девичника раздраженная:

– Никогда не выйду замуж, – зло говорит она заплаканной Ленке Митяевой. – Жить с одним и тем же человеком под одной крышей изо дня в день, терпеть все его выходки. Нет! Никогда! – она встряхнула своей курчавой шевелюрой, отгоняя мрачные мысли подальше.

– Оля, – девушек догоняет тётя Дуня, мать Лешки и Андрея Адрианчуков. – Ты зайди ко мне завтра в обед, есть о чем ворковать.

– Хорошо.

На следующий день Ольга заходит в большой, просторный дом Адрианчук.

Она думает, что тетя Дуня попросит быть на подручных у кухарок, которые взялись готовить кушанья на свадьбу. Но речь видно будет идти совсем о другом. Она быстро уводит Ольгу в дальние комнаты дома, где еще до сих пор не вынуты вторые рамы и где пока никто не живет.

– Садись, голуба моя, – это быстрая маленькая и очень упитанная женщина быстро ставит Ольге стул, прихваченный между прочим на кухне.

Ольга послушно садиться. Тетя Дуня с раскрасневшимся от печного жара лицом шустро подбирает юбки, смахивает пыль на сундуке и садиться.

– Ну что Корсунова пишет? – усмехаясь, спросила она.

Ольга выпрямилась и прямо посмотрела на Адрианчук.

– По-моему она давно не Корсунова, – холодно и четко отвечает она. – И вам пора бы уж это усвоить, невелика задача.

– Да ты не злись, голуба, – говорит тетя Дуня, и по её голосу нельзя было определить злиться она или с перемирием затеяла этот разговор.

– Значит, все-таки поженились? – она выжидающе смотрит на Ольгу.

– Да вы что, тетя Дунь, издеваетесь что ли?! – Ольга резко встает с табурета, но вдруг одна мысль поразила её, и она медленно садится обратно. – Так вы совсем ничего не знаете о них?

По лицу тети Дуни вдруг побежали слезы, она всхлипнула. Ольга растерянно подходит к ней и садится рядом на сундук.

– Он не пишет нам совсем, как тогда ночью ушел... И ведь ни весточки не прислал. Я знаю, он у меня железный: раз сказал – значит сделал! Он видно нас совсем из жизни своей вычеркнул. Мы ведь ему плохого советовали, вот и потеряли все свое родительское уважение.

А мы ведь не каменные. Он хоть, – она махнула головой на другую половину дома, – Степан-то хоть и хмурится, молчит, а по глазам видно, что соскучился по сыну, что душа у него не на месте, что прощает ему его послушание. А я-то давно все Андриюшеньке простила, – она вытирает кончиком платка слёзы.

– Так вы бы пришли ко мне. Ведь знаете, что они мне пишут.

– Степан не велит, я и молчу. А ты тоже хороша – ничего-то от тебя не добьёшься.

– Отлично! Я ещё и виновата. Она боялась мужа послушаться! Молодец! Аж зла не хватает! А если бы он убил Андрея как тот Мотео Фальконе?!

– Какой ещё Мальконе?! – испугалась Адрианчук.

– Я вам не тетка Нюрка, чтобы трепаться по деревне про то, что мне написано. Я прочитала, да под сундук спрятала.

– Ну, так расскажи мне!

– А дядя Степа велит?! – насмешливо спросила Ольга.

– Теперь велит, – шмыгнула тетя Дуня. – Написать бы им, а?

– Напишите, в чем же дело?

– Рассказывай.

Ольга поведала обо всем, что сама знала.

– Мы хотим на свадьбу их пригласить. Как ты думаешь – приедут?

Ольга пожала плечами.

* * *

Лешка и Вера садятся во главе стола. Рядом сидит Наталья Алмаз, сестра Веры, а с другой стороны родители жениха. Следом восседал Андрей Адрианчук с сынишкой Максимкой на руках.

Получив письмо с приглашением на мировую, Андрей долго не раздумывал, стал собираться в Енисейц. А вот Любаша испугалась и все рассуждала, ехать ей или не стоит. Андрей не убеждал, оставил за женой право выбора. Только категорично заявил, что Максимку возьмет с собой обязательно. Любаша согласилась. И в Енисейц приехали всей семьей после годового отсутствия. Деревня встретила их ласково, никто и не вспомнил о происхождении Любаши, как будто Любка Корсунова была другой человек, а Любаша Адрианчук в Енисейце никогда не жила, так, смоленская девушка.

На свадьбу, как правило, приглашалась вся деревня, и гуляли два, а то и три дня. К столам, накрытым прямо на дворе Адрианчук, допускался всякий и стар и млад. Парадом верховодил Мишка Мейдзи. Он произносил веселые тосты, затеивал игры, хороводы и танцы, запевал песни под гармонику.

Ольга, Ленка и Любаша сидели рядом и никак не могли наговориться.

– Мы переписываемся с Наташкой Долговой, – хвастается Любаша

– И что она тебе пишет? – спрашивает Ольга, весело сверкая глазами. – Танька Данилова пишет, что у неё с Долговым не все так гладко, как у вас с Андреем.

– Ну, всего она, конечно, не пишет. Говорит только, что надоели его ночные прогулки. Возвращается пьяным, будит сына, буянит. Постоянные скандалы, драки. Она ведь тоже не промах – за себя постоять может. В общем, ничего хорошего.

После поедания свадебного каравая Ольга хочет уйти. По дороге Лешка Дегтярев догоняет её.

– Пройдемся? – предлагает он.

– Да, – соглашается Ольга и злиться сама на себя.

Они тихо идут по улице к Енисею. Деревня остается позади. Теперь они стоят на крутом берегу Енисея, на том самом месте, где Лешка впервые увидел Ольгу. Где-то глубоко внизу глухо клопочет Енисей. Лешка обнимает Ольгу за плечи: «Замерзла?» Ольга хочет вырваться, силится сказать ему «Нет!». Но сознание затуманивается, все плывет перед глазами. Лешка

прижимает девушку к своей горячей груди. Слышно как сильно бьётся его сердце, слышно, как сердце стучит у неё. И этот стук сливается в унисон....

* * *

– Где ты была? – спрашивает Марья Тихоновна, когда Ольга зашла в свою комнату.

– У Ленки, – коротко отвечает Ольга.

– Не обманывай, Ленка забегала к нам недавно и искала тебя.

– Нашла.

– Машенька, – Дмитрий Семенович взял жену за плечи и вывел из спальни дочери.

Ольга села на кровать. Губы горели, в голове стучало. Она судорожно сжала виски: «Что это со мной? Неужели я влюбилась? Я?!». Ольга улыбнулась: «А это прекрасно – влюбиться». Она зажмурилась и что-то легкое, нежное и ласковое обожгло её душу.

Через полчаса застрекотал будильник. Ольга выключила его. Где-то за окном раздавались пьяные песни. Совсем рядом запел петух. Там по двору прошла Ленка, стукнула ведром о подойник. Пьяно покачиваясь, на крыльцо выходит её отец дядя Женя.

Ольга с трудом встает, привычно разводит корм свиньям, привычно кормит огромного кобеля на цепи. Он взвизгивает, крутится перед хозяйкой и лижет её то в ухо, то в нос. Ольга смеётся, отмахивается от него и бежит с ведрами к реке. Марья Тихоновна гонит корову на пастбище. Ольга, натаскав воды, бежит на работу, к своим фермам.

Сегодня дела идут быстро и весело, только тетка Нюрка ползает как сонная муха. На неё все беззлобно кричат и шутят: «Что, тетка Нюрка, перебрала вчера?», на что та отвечает: «Наоборот – недобрала». Все хохочут. Вчера её вынесли из-за свадебного стола. Сегодня ей больше всего досталось от дочерей Людки и Шурки.

– Опозорила! – кричит на неё Людка, вспоминая Мишку Мейдзи, теперь-то от него насмешек не оберёшься. А всем давно известно, что Людка Сквородникова давно безответно влюблена в своего рыжего соседа.

– Все! – Шурка поставила полное ведро молока. – Не могу я тут больше. Всех женихов из-под носа расхватили. Адрианчук Лешка женился, Дегтярёва Лешку бригадирша сцапала. А Емельянов Димка и не смотрит на меня!

– Что же ты надумала? – недоверчиво смотрит на неё Ленка.

– Уехать. В Светлоярск поеду на курсы секретаря-машиниста. Надо брать судьбу в свои руки.

– Держитесь, светлоярские девицы, едет сама Шурка Сквородникова! Красавица Енисейца будет отбивать ваших парней и даже мужей!

– Дура! – буркнула Шурка, подхватив ведро.

– А что ж бригадирша и вправду Лешку Дегтярёва окрутила? – спрашивает тетка Нюрка.

– Окрутила, окрутила, – смеётся Ольга.

Глаза тетки Нюрки вспыхивают невероятной жадой жить и приносить людям новости. Через полчаса её стоптанные тапки вновь шаркали от дома к дому, где она говорила, что Ольга и Лешка скоро поженятся, что у них уже все давно решено и даже вскоре должен появиться ребенок. Конечно, в этом не было и доли правды. Но в чем-то тетка Нюрка оказалась пророчицей

* * *

Тихий вечер опустился на Енисейц. С реки дул теплый ветерок. На дворе у Адрианчуков все не умолкала гармонь и песни. Дивные русские песни об удалом Ермаке и трусливом татарском хане, о любви зазнобы к служивому. Так приятно их слушать тут у говорливой, трепещущей реки, по которой медленно плывут дикие утки, а рядом сидит любимый человек.

Завтра будет новый день. Завтра Любаша и Андрей вновь уедут в Смоленск. Завтра на том же поезде уедет в Светлоярск Шурка Сквородникова. Завтра будут провожать в армию Лешку Адрианчука, а его молодая жена останется в доме свекра.

Да, завтра будет новый день...

ЧАСТЬ IV

ГЛАВА 1

Два года спустя

Ветер рвет в клочья облака. По грязной дороге летят желтые листья. Мокрая, грязная осень заглядывает в маленькие окошки дома Лебедевых на улице Большой. Ольга одела тяжелые резиновые сапоги и неохотно пошла на работу. И попала как раз в «грозу».

- Скажи, ты с Мейдзи гуляешь? – допытывалась Людка у своей младшей сестренки
- Ты что ко мне привязалась, отстань! – нетерпеливо говорит Шурка и идет к дверям.
- Нет, ответь мне, пожалуйста, – Людка становится в дверях и не спускает с Шурки глаз.
- Не буду я тебе отвечать, – дергает плечом Шурка.
- В глаза мне смотри, гадина, – шипит Людка. – Ну-у-у?! – требует она.
- Гуляю, и чего? – Шурка становится в независимую позу.

Все, кто был здесь, ошарашенно смотрят на Шурку.

- Ну, сестрица, услужила, – Людка наступает на Шурку.

Никто не трогается с места, хотя ситуация явно напряженная и вот-вот перерастет в драку.

- Ты же знаешь прекрасно, что он мой! – Людка задохнулась и остановилась.

– Да?! Я его всего смотрела, нигде не написано, что он твой, – Шурка отскакивает от сестры.

- А-ах! Ты еще с ним... – она вцепилась сестре в волосы и потащила куда-то в угол.

Тут влетает мать сестер Сквородниковых и пытается разнять девчонок, ей помогают собравшиеся доярки.

– Это не сестра, это мразь какая-то!!! Гадюка!!! Змея!!!! – кричит Людка и пытается вырваться из цепких рук девчонок. – Я никогда, слышишь, ни-ко-гда тебе этого не прощу!!!!

Шурка хохочет диким, бесстыжим смехом и постоянно выкрикивает «Дура! Дура! Ты ему не нужна!». Но тут по лицу её съездила мать тетка Нюрка.

– А ну закройся! Ишь чего удумали! Из-за мужика драться! Тьфу! – и она плюет себе под ноги.

- Еще раз к нему подойдешь, я убью тебя! – орет в бешенстве Людка.

Но тут получает и она от матери.

– Я убью тебя, – уже тихо говорит Людка, всхлипывая. Ленка приносит воды. Шурку прогоняют домой.

– Вот так да! – говорит Ленка. – Все же прекрасно знают, как Людка убивается за этим Мейдзи. А Шурка сестра родная, так уж и подавно всю подноготную знает. Вот стерва!

– И что они нашли в этом Мейдзи? – пожимает плечами Ольга. – Ладно, девочки, цирк окончен, пошли работать.

Доярки расходятся по своим местам.

Вечером, как обычно, к Ольге приходит Лешка Дегтярёв и они идут гулять к Енисею на свой любимый утес.

- Что-то Ленка невеселая, – говорит Лешка.
- Дядя Женя опять запил, – отвечает Ольга.
- На что он пьёт?

Ольга с удивлением смотрит на Лешку.

– А то ты не знаешь, что тут в деревни все друг друга поют, и никому нет отказа. Тут в каждом доме по пять штофов самогона стоит.

- Это точно. Говорят, у него есть большие сбережения.

– Вряд ли.

– Интересная он личность, этот Митяй, – ухмыляется Лешка.

Митяй – вечный сосед Лебедевых. Эти два дома строились рядом одновременно. И одновременно сюда заселились семьи Лебедевых и Митяевых. Жили – не тужили. Дядя Женя Митяев тогда был главным по аграрному делу, Лебедев был его помощником.

Жена дяди Жени тетя Аня вскоре родила дочку, которую назвали Еленой. Но через два года случилась беда: тетя Аня влюбилась в какого-то молодого юристика и уехала с ним вниз по Енисею, оставив маленькую Ленку на руках у отца. Но вот через полгода тетя Аня вернулась к мужу, и он все ей простил и пустил обратно в дом. Но и года не прожила тетя Аня в семье, сбежала с капитаном какого-то очередного товарного парохода. А он бросил её в Астрахани. После этого мать Ленки долго путешествовала по стране, пока не поселилась в Смоленске. Тут она сошлась с каким-то сапожником и стала с ним жить. Когда Ленке было восемь лет, она приезжала разводиться с дядей Женей. Прожила в Енисейце около недели и, получив развод, тут же уехала. Она им никогда не писала писем. Лишь изредка присылал деньги дочери. Теперь её муж директор сапожной фабрики, живут они, припеваючи в большом доме вместе с сыном Женькой, который младше Ленки на 9 лет.

После развода с тетей Аней дядя Женя серьезно запил. Он потерял место агронома и теперь агрономом стал его помощник, друг и сосед Лебедев. Дядя Женя не злился. Этот хмурый, огромного роста человек был очень добрым. Он до безумия любил свою дочь, справлял ей лучшие платья и туфли, шубы да шапки. С самого детства Ленка не ведала отказа от своего единственного родителя.

Дядя Женя, конечно, осознавал, что очень даже может быть, Ленка вовсе и не его дочь. «Ну и пусть, – говорил он сам себе, когда его одолевали сомнения, – зато она рядом». Под словом «она» имелось в виду тетя Аня.

Ленка могла вырасти вредной и капризной дамочкой, если бы не запои дяди Жени. Когда он пил, никогда не показывался на глаза дочери. Он уходил из дому и не появлялся по два-три месяца. Но Ленка не пропала, во-первых, потому, что жила в соседях рядом с Лебедевыми. И на это время соседи брали девочку жить в свою семью. И Ольга с Ленкой жили в одной комнате, как сестры. Во-вторых, Ленка умело вела хозяйство, когда подросла и легко решала все житейские вопросы с топкой дома, кормом скотины. Так что лет с восьми Ленка была самостоятельным рассудительным ребенком.

Два раза в год дядя Женя Митяев в одно и то же время неизменно исчезал из Енисейца. Ездил он в Красноярск. Зачем – никто не знал. И он даже в пьяном угаре никому об этом не рассказывал. Ничего не знала и Ленка.

Что только не сочиняли енисейцы про эти отлучки. Говорили, что у Митяя там живет вторая семья. Что Митяй скупает там золото и прячет в дупло огромного дуба на заднем дворе, у которого привязан огромный кобель. В этом дупле стоит крупнейший сундук, который Митяй и пополняет два раза в год себе на тихую старость да на безбедное будущее своей любимой дочери. Вот так на ровном месте выросла сказка, в которую так наивно верили все в Енисейце.

Но обо всем этом уж очень не хотелось говорить Ольге, уж слишком скучна была для неё эта тема.

ГЛАВА 2

«Ты только мне пиши...»

Вот уже три года как уехала из Енисейца со слезами Таня Данилова. Но она не бросала писать Ольге ровным красивым почерком большие редкие письма. Ольга получала по письму раз в два-три месяца. Год тому назад Танька написала, что встретила очень симпатичного молодого капитанчика военного судна. Теперь она писала о нем в каждом письме. «Кажется, дело идёт к замужеству», – заметила Ленка, перечитывая последнее письмо. А вот и новое послание из Севастополя: «Здравствуй, Оленька. Я тороплюсь, поэтому пишу очень коротко. Я выхожу замуж. Приезжайте как можно скорее. Свадьба будет 27 ноября. Очень прошу: приезжай сама и бери с собой Ленку. Вы должны, нет, вы обязаны быть на моей свадьбе!!!! Целую! Пока!» P.S. Шлите телеграмму о приезде по моему адресу...»

– Вот так да! – Ленка хлопает в ладоши. Начинает прыгать по комнате и бешено орать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.